

ЕСЕНИН С.А. ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ И ДЕТСТВО ПОЭТА

© Тюрина Е.С.*

Российский университет дружбы народов, г. Москва

Ранние стихи Есенина отражают его деревенское детство. Из них мы узнаем о бабке и деде, воспитывающих его с детства, жизни с ними в деревне. Это подтверждается и автобиографическими заметками поэта. Однако, если в автобиографиях Есенин творил легенду о себе, подчеркивая свою силу и ловкость, то в ранних стихах он не единожды проговаривался о своей некрестьянской хрупкости, о физической и душевной утонченности.

Сила лиризма Есенина, глубокое очарование его поэзии связаны с необычностью художественного образа, который, по определению самого поэта, живет в нем «... органически так же, как ... страсти и чувства» [1, с. 369]. Лирика Есенина – поистине мастерское отражение времени через судьбу и личность поэта [5, с. 30].

Многие, в частности ранние стихи Есенина, отражали его деревенское детство. Стихотворение «В хате» (1914) воспроизводит родную поэту картину непрехотливого деревенского быта:

*Пахнет рыхлыми драченами;
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.
Вьется сажка над заслонкою,
В печке нитки попелищ,
А на лавке за солонкою –
Шелуха сырых яиц.
Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.*

На редкость зримой встает картина крестьянского быта, окружавшего в детстве будущего поэта. И это ощущение возникает еще до того, как, побывав в Константинове, увидишь в мемориальном музее поэта «печурки точеные», «сени скатые» или просто печь, лавку и многое другое, отраженное в стихах поэта [5, с. 31].

Конкретные факты биографии Есенина находят отражение во многих его стихах. Из них мы узнаем о бабке и деде, любящих своего внука, вос-

* Студент Филологического факультета. Научный руководитель: Галай К.Н, ассистент кафедры Русской и зарубежной литературы.

питающих его с детства. Это подтверждается также выдержками из автобиографий поэта, например: «С двух лет, по бедности отца и многочисленности семейства был отдан на воспитание довольно зажиточному деду по матери» [1, с. 377], «рос под призором бабки и деда» [1, с. 379]; «бабушка любила меня изо всей мочи, и нежности ее не было границ» [1, с. 377]. Известно, что бабушка Сережи, по линии матери – Наталья Евтеевна – была женщиной кроткой и набожной. Это подтверждается даже выдержками из автобиографии поэта, например: «Первые мои воспоминания относятся к тому времени, когда мне было три-четыре года. Помню лес, большая, канавистая дорога. Бабушка идет в Радовецкий монастырь, который от нас верстах в 40. Я, ухватившись за ее палку, еле волочу от усталости ноги, а бабушка все приговаривает: «Иди, иди, ягодка, Бог счастье даст» [1, с. 377].

Память ребенка сохранила картины жизни в доме, где часто собирались странники, слепцы, пели духовные стихи о Голубиной Книге, о райском вертограде, о Лазаре, о заступнике крестьянском Миколе, о Женихе Светлом, Госте из Града Неведомого. Сам полуграмотный, дед пытался учить внука читать, а по субботам и воскресеньям рассказывал ему по памяти притчи из Священной истории. Через четверть века внук с благодарностью вспоминал:

*Наивность милая
Нетронутой души!
Недаром прадед
За овса три меры
Тебя к дьячку водил
В заброшенной глуши
Учить «Достойно есть»
И с «Отче» «Символ веры».
Хорошего коня пасут.
Отборный корм
Ему любви порука.
И, самого себя
Призвав на суд,
Тому же самому
Ты обучать стал внука.*

В повести «Яр» двадцатилетний Есенин изобразил деревенского дурачка, который катается на хворостине и задает землякам всяческие загадки.

« – Эх, мужик-то какой был! – сказал, проезжая верхом, старик. – Рехнулся, сердечный с думы, бают, запутался... Дотошный был. Все пытал, как земля устроена... «Это, грил, враки, что Бог на небе живет». Попортился. А може, и Бог отнял разум: не лезь, дескать куды не годится тебе. Озорной, кормилец, народ стал. Книжки стал читать, а уже эти книжке

сохе пожар. Мы бывалоча, за меру картошки к дядьку ходили аз-буки узнать, а более не могли» [1, с. 293].

В отрывке угадываются примеры судьбы самого деда, и несколько самоотстраненные религиозные сомнения молодого поэта, и что, самое главное – явное соотнесение своего облика с обликом деревенского юродивого, рехнувшегося «с думы», то есть от слишком глубоких и дерзких мыслей.

Во всех своих автобиографиях, творя легенду о себе, Есенин старался представить себя коноводом, вожакom, лидером. Он всюду подчеркивает свою силу и ловкость, любит вспоминать, как дрался со сверстниками, как был «среди мальчишек всегда герой», как удачливо ловил рыбу, как ловко – ловчее всех! – лазал по деревьям к птичьим гнездам, как «обносил» огороды, играл в бабки, плавал за подстреленными утками. Но маска деревенского «супермена» на самом деле скрывала легко ранимую душу и отнюдь не богатырское тело. В ранних стихах он не единожды проговаривался о своей некрестьянской хрупкости, о физической и душевной утонченности, что, конечно, отличало его от обычных константиновских ребятишек.

*Рыжеволосый внучок
Щупает в книжке листы,
Стан его гибок и тонок,
Руки белей бересты.*

Нечто женственное есть в этом внучонке, и даже его рыжеволосость – признак некой физической утонченности, почти слабости. В разговорах поэт признавался, что из-за физической слабости ему частенько приходилось в детстве терпеть неудачи. Розанову И., которому в 1921 г. удалось записать автобиографию поэта с его слов, Есенин как-то рассказывал, что дед и бабка «видели, что я слаб и тщедушен, но бабка меня хотела всячески уберечь, а он, напротив, закалить» [1, с. 389]. Сверстник поэта Василий Ефремов вспоминает: «Был горяч, куда там... и все время драки затевал, ему же поэтому больше всех и доставалось» [3, с. 136]. А переплывши однажды реку с двумя товарищами, Сергей долго сидел на песчаном откосе и отплевывался кровью, видимо, от переутомления. Бабушка знала о слабостях своего любимца и укрепляла его здоровье всеми средствами [2, с. 28].

*С глазу ль, с немилого ль взора
Часто она под удой
Поит его наговором
Преполовенской водой.*

Да, никакой он не коновод, не драчун, не атаман – все это он придумает о себе году в 1919-1920-м, а пока, в 1915-1916-м, он еще стесняется говорить о своей почти девичьей стати, о милой ему немужественности, о природной изнеженности:

*Ждут на крылечке там бабка и дед
Резвого внука подсолнечных лет.
Строен и бел, как березка из внук,
С медом волосьев и бархатом рук.*

(Впоследствии Есенин будет сравнивать «березку лишь с женщиной или с девушкой!) И уже не понятно, то ли бабушка держит на руках женственного внучонка, то ли юная Дева Мария своего сына, лишённого по замыслу Божию облика мужественности:

*С тихой улыбкой на тонких губах
Держит их внука она на руках.*

Конкретный облик подростка с «божьим даром» отчетливо встает перед глазами. Кстати, портретное сходство часто звучит у Есенина в лирике, иногда даже с упоминанием своего имени, например: «Сквозь синь стекла желтоволосый отрок Лучит глаза на галочью игру»; «Нелегка моя кокошница, Но глаза синее дня»; «Кудрявый и веселый, Такой разбойный я»; «Помяну тебя в дождик Я, Есенин Сергей»; «Облетает моя голова, Куст волос золотистый вянет» [5, с. 32].

Ощущение фактической достоверности изложенного материала касается буквальности восприятия не только образов деда и бабки поэта, но и с частыми обращениями лирического героя к матери – дорогой, родной, душевно близкой, нежно любящей сына, вечно беспокоящейся за него:

*Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.*

В своих стихах Есенин воссоздает образ старой женщины-матери: «Ты жива еще, моя старушка?» («Письмо матери», 1924); «Я вспомнил тебя, дорогую, Моя одряхлевшая мать» («Заря окликает другую», 1925); «В три звезды березняк над прудом Теплит матери старой грусть» (Я покинул родимый дом...)» (1918). Однако сопоставление этого образа с самой матерью поэта, Татьяной Федоровной Есениной (1875-1955), показывает его несоответствие далеко не преклонному возрасту матери поэта в годы написания этих строк. И это не случайно, поскольку ничто не трогает человека так, как отношение к матери, тем более уже в годах, одряхлевшей, слабой. Вероятно, духовная значимость для поэта этого образа, понятного каждому читателю, выходит за рамки так реально воспринимаемого в лирике Есенина образа старой матери.

Последнее можно подтвердить и наблюдениями над есенинским образом матери-родины. Понятие родины издревле связывали с образом мате-

ри-женщины. Именно по-матерински любящая женщина является символом всего самого дорогого, верного, сокровенного, родного и близкого, того, что связывал поэт с безграничной любовью к Родине.

*Брожу по синим селам,
Такая благодать,
Отчаянный веселый,
Но весь в тебя я, мать.*

Читаем мы в стихотворении «О родина!» (1917) [5, с. 35].

В беседе с И. Розановым С. Есенин как-то заметил: «Поэт может писать только о том, с чем он органически связан» [5, с. 17]. Органическая связь Есенина с атмосферой деревенской жизнью и самой землей, родившей его не вызывает сомнения. Безусловно, деревня и все, что с ней связано, – главная тема поэзии Есенина. То, что окружало поэта с детства, определило суть его поэтического мира в целом.

Список литературы:

1. Золотой том: Сергей Есенин. – Олма-Пресс, 2006.
2. Куняев Ст., Куняев С. Сергей Есенин. – 5-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2007.
3. Панфилов А.Д. Константиновский меридиан. Энциклопедия Российских деревень, 1992.
4. Розанов И. Есенин о себе и других. – М., 1926.
5. Шетракова С. С.А. Есенин. Художественный образ и действительность. – Рязань: Поверенный, 2004.